

Геополитическая архитектура и стратегические детерминанты «Суннитского НАТО»

Комментарий Центра АРВАК, 01.05.2026

Аннотация

АРВАК анализирует процессы формирования нового военно-политического блока с участием Турции, Пакистана и Королевства Саудовская Аравия (КСА), а также причины вовлечения в этот формат Египта. Рассматривается глубокая мотивация каждого участника: от поиска Анкарой альтернативы «ядерному зонтику» НАТО до стремления Исламабада обеспечить стратегическую устойчивость в условиях конфронтации с Индией и Афганистаном. Особое внимание уделяется ресурсной синергии проекта, где финансовые возможности Эр-Рияда сочетаются с ядерным потенциалом Пакистана и технологическим опытом Турции. Делается вывод, что инициатива создания «Азиатского НАТО» является системной попыткой крупнейших суннитских держав стабилизировать макрорегион в условиях деградации прежней архитектуры безопасности.

Ключевые слова: геополитика, Ближний Восток, «Суннитское НАТО», Турция, Пакистан, Саудовская Аравия, Египет, региональная безопасность, ядерное сдерживание, геоэкономика.

1. Переговорный процесс и ключевые противоречия

С начала 2026 г. в мировых СМИ фиксируется появление сведений о конфиденциальных консультациях между Турцией, Пакистаном и Королевством Саудовская Аравия (КСА) по вопросу учреждения нового военно-политического объединения. Анализ поступающих данных указывает на существенные затруднения в переговорном процессе, обусловленные сохраняющимися межгосударственными противоречиями, несмотря на выраженную стратегическую заинтересованность сторон в формировании подобного альянса.

Согласно инсайдерским сообщениям турецкого происхождения от января 2026 г., фундаментальные параметры блока рассматривались как практически согласованные и требующие лишь детальной технической проработки. Однако с весеннего периода по арабским каналам стала поступать информация о принципиальной несогласии Эр-Рияда с архитектурой союза, предполагающей лидерство Анкары. Динамика процесса свидетельствует о форсированном подходе Турции к институционализации блока, в то время как Саудовская Аравия проявляет предельную осмотрительность. Такая позиция КСА продиктована эскалацией ситуации вокруг Ирана и высокой степенью неопределенности геополитической конфигурации региона в условиях углубляющегося иранского кризиса.

2. Стратегическая мотивация Турции: поиск альтернативы НАТО

Представляется очевидным, что каждая из вовлеченных сторон руководствуется существенными мотивами при рассмотрении перспектив учреждения данного альянса. Турция, выражая глубокую обеспокоенность системной деградацией структур НАТО и потенциальной угрозой дезинтеграции блока вследствие ультимативной политики США в отношении союзников, объективно вынуждена инициировать поиск альтернативных механизмов коллективной безопасности. Нивелирование Североатлантического альянса создает для Анкары критические риски, связанные с утратой гарантий «ядерного сдерживания», существенным ограничением доступа к передовым оборонно-промышленным технологиям и общим ослаблением национального оборонительного

потенциала. Данные процессы протекают на фоне интенсификации регионального «израильского экспансионизма», который интерпретируется турецким руководством как свидетельство фундаментальной трансформации стратегических приоритетов Вашингтона на Ближнем Востоке. Масштаб военно-политических амбиций Анкары в макрорегионе – от Центральной Азии до Африки – в настоящее время недостаточно подкреплён адекватным уровнем собственного оборонительного ресурса. В этой связи турецкие политические элиты рассматривают проект «Азиатского блока» как стратегический инструмент, призванный если не полностью нивелировать издержки от возможного распада НАТО, то обеспечить формирование новой архитектуры безопасности, позволяющей сохранить геополитический статус-кво, достигнутый страной в рамках членства в Североатлантическом альянсе.

3. Пакистанский фактор: экзистенциальные вызовы на два фронта

Для Пакистана причиной более активного участия в консультативном процессе по вопросу учреждения вышеуказанного блока стало вооруженное столкновение с Индией в мае 2025 года. Данный инцидент верифицировал трансформацию затяжной эскалации в фазу существенного расширения географии потенциального театра военных действий. Прежний характер пограничных инцидентов сменился практикой нанесения сторонами ударов по объектам в глубоком тылу противника с активным применением военно-воздушных сил, баллистического вооружения и средств большой дальности. Подобная динамика заставила Исламабад радикально пересмотреть стратегию противостояния с Нью-Дели, осознав ограниченность собственных ресурсов перед лицом планомерного укрепления военной мощи Индии и ее готовности к ведению затяжной войны высокой интенсивности. Дополнительным стимулом для Пакистана в вопросе формирования системы коллективной обороны с Турцией и Саудовской Аравией стала дестабилизация отношений с Афганистаном. В Исламабаде полагают, что Кабул, находящийся под контролем движения «Талибан», не только развивает активное партнерство с Индией, но и оказывает поддержку экстремистским силам, действующим внутри Пакистана, прежде всего в пуштунских районах.

Интенсивная эскалация на афгано-пакистанском приграничье в феврале-марте 2026 года, сопровождавшаяся ударами по объектам стратегического значения, выявила неспособность Исламабада самостоятельно стабилизировать западные рубежи и влиять на радикальные процессы внутри Афганистана. Геополитическая устойчивость Пакистана находится под серьезной угрозой: страна фактически зажата между дестабилизированным соседом и враждебно настроенной Индией. Ситуация усугубляется внутренним религиозным экстремизмом, сепаратистскими настроениями и затяжным социально-экономическим кризисом. В этих условиях вхождение в устойчивый военно-политический союз рассматривается как критически необходимый фундамент для сохранения регионального баланса и обеспечения национальной безопасности.

4. Саудовская Аравия: переход от импорта оружия к стратегии коллективной безопасности

Интерес Саудовской Аравии к участию в формирующемся альянсе во многом продиктован сложностью ее отношений с Ираном и Израилем, а также поиском новых

гарантий безопасности на фоне смены стратегии США. Реализуемая администрацией Трампа «новая концепция безопасности» предполагает сокращение прямого военного присутствия Вашингтона на Ближнем Востоке и делегирование ответственности за региональную стабильность на местных союзников.

В сравнении с Анкарой и Исламабадом, Эр-Рияд менее самодостаточен в военном отношении и исторически не делал ставку на силовые методы реализации своих геополитических интересов. Несмотря на статус крупнейшего импортера американских вооружений – включая масштабные соглашения мая 2025 года на поставку техники на \$140 млрд и инвестиции в экономику США объемом \$600 млрд – Королевство сталкивается с серьезными вызовами.

Опыт малоэффективной кампании против йеменских хуситов и значительный урон, нанесенный иранской стороной в ходе эскалации в Персидском заливе, наглядно продемонстрировали уязвимость монархии. Очевидно, что даже современное высокотехнологичное оснащение не гарантирует КСА необходимый уровень обороноспособности для самостоятельного выполнения лидерских задач в регионе без опоры на многосторонние оборонительные структуры.

Для КСА поиск коллективных механизмов обеспечения военно-политической устойчивости превращается в насущную необходимость на фоне возможного пересмотра Соединенными Штатами параметров своего военного присутствия в зоне Персидского залива – будь то в рамках новой оборонной доктрины или как следствие неудачного завершения антииранской кампании. В этой связи Эр-Рияд проявил готовность рассмотреть инициативу о формировании трехстороннего альянса, претендующего на роль «*Азиатского НАТО*».

Участие саудовских властей в переговорном процессе, вероятно, продиктовано не столько завышенными ожиданиями от данного формата на текущем этапе, сколько стремлением создать пространство для стратегического маневра и закрепить за собой возможность вступления в блок в случае окончательного изменения внешнеполитических обстоятельств. По мнению экспертного сообщества, ключевой предпосылкой для приглашения Эр-Рияда в союз стало осознание того, что опора на внешние военные ресурсы является для монархии безальтернативным условием выживания, прочно укоренившимся в традициях ее государственности.

В данном контексте КСА следует историческому пути наиболее состоятельных государственных образований, которые в силу ряда объективных и субъективных причин склонны компенсировать дефицит собственной безопасности и реализовывать геополитические амбиции через привлечение сторонних сил.

5. Синергия потенциалов и распределение ролей в будущем альянсе

Проект нового альянса, инициированный Анкарой и Исламабадом, базируется на стратегическом использовании колоссальных финансовых и энергетических резервов Саудовской Аравии. По оценкам экспертного сообщества, архитектура блока строится на принципе взаимного дополнения уникальных ресурсов каждого участника для максимизации совокупной мощи.

В рамках данной синергии распределение ролей выглядит следующим образом:

- Саудовская Аравия, выступая в качестве основного «потребителя безопасности», обеспечивает союзникам доступ к своим масштабным финансовым активам.
- Пакистан вносит ключевой вклад в виде ядерной составляющей своих вооруженных сил, фактически принимая на себя функции «ядерного зонтика» и трансформируя альянс в полноценный континентальный и глобальный «полюс силы».
- Турция берет на себя роль интеллектуального и технологического ядра, обеспечивая разработку инноваций в оборонной сфере и внедрение передовых западных стандартов в строительство вооруженных сил и общую философию безопасности.

Сложившаяся геополитическая конъюнктура заставляет эти страны прорабатывать концепцию формирования системы коллективной обороны, которую аналитики часто именуют «Азиатским» или «Суннитским НАТО». Тем не менее плотность двустороннего взаимодействия не выступает автоматическим залогом дееспособности широкого многостороннего блока. Примером служат давние союзнические отношения Саудовской Аравии и Пакистана, развивающиеся с начала 1950-х годов. Критической точкой этого партнерства стало заключение 17.09.2025 г. «Стратегического соглашения о взаимной обороне». Данный документ не ограничивается технологическим обменом и оружейными контрактами, но и де-юре устанавливает обязательство по непосредственному участию в боевых действиях при возникновении угрозы для одной из сторон.

Военно-политическое взаимодействие Исламабада и Анкары характеризуется не менее глубоким уровнем партнерства. Исторический фундамент этих отношений был заложен еще в 1920-е годы, когда мусульманские общины Западной Индии (на территории которых позже возник Пакистан) оказывали значительную финансовую поддержку турецкому национальному движению под руководством Кемала Ататюрка. В 1958 году сотрудничество получило официальный статус через подписание соглашения, ставшего основой для блока СЕНТО («Багдадский пакт»), в рамках которого обе столицы закрепили за собой статус стратегических союзников США в Азии.

Новый этап беспрецедентного укрепления связей пришелся на период с 2017 по 2025 год. В это время стороны значительно интенсифицировали оборонное партнерство, расширив формат взаимодействия за счет активного вовлечения в него Азербайджана.

Тем не менее наличие системы двусторонних союзов само по себе не гарантирует устойчивость потенциального «Азиатского НАТО». Данная структура не устраняет глубокие трения между Саудовской Аравией и Турцией, вызванные их борьбой за лидерство в суннитском мире Ближнего Востока. Эти разногласия дополнительно обостряются из-за катарского вопроса и стремления Анкары к прямому вмешательству во внутренние дела арабских государств.

6. Включение Египта: геоэкономическое измерение проекта

Представляется вероятным, что именно кумулятивный эффект межгосударственных разногласий в диалоге Эр-Рияда и Анкары предопределил интеграцию Египта в консультативный процесс по учреждению альянса. Существует веское основание полагать, что на включении Каира в данный формат настаивала Саудовская Аравия, стремясь тем

самым усилить значимость «арабского фактора» в архитектуре будущего блока и нивелировать собственную уязвимость в оборонном компоненте. Более того, подключение египетской стороны не только расширяет географический охват системы коллективной безопасности, но и придает проектируемому союзу выраженное геоэкономическое измерение. По оценкам экспертного сообщества, вовлечение Египта обусловлено прежде всего его уникальным геостратегическим положением и контролем над Суэцкой транзитной артерией, стратегическая роль которой объективно возрастает в условиях дестабилизации ситуации в Персидском заливе.

В настоящее время Эр-Рияд предметно прорабатывает сценарии стратегической диверсификации экспортных потоков углеводородов в западном направлении, предполагающие переориентацию основного трафика на терминалы Красного моря с задействованием разветвленной трубопроводной инфраструктуры. В расчетах саудовского руководства интеграция Каира в проектируемый военно-политический альянс призвана не только акцентировать субъектность «арабского вектора», но и обеспечить комплексную безопасность морских коммуникаций. Подобная конфигурация рассматривается как критически важный фактор укрепления «западного тыла» Королевства в условиях перманентной эскалации угроз, исходящих с йеменского направления и из акватории Персидского залива.

Финансово-экономические стимулы для интеграции Египта в альянс отчетливо прослеживаются на фоне возобновившихся в Турции дискуссий вокруг проекта Стамбульского канала, реализация которого началась летом 2021 года. По всей видимости, турецкое руководство стремится к созданию синергии между новым каналом и Суэцким перешейком, формируя глобальную морскую транспортную магистраль. Данный маршрут призван связать рынки Южной Азии, Индийского океана и Восточной Африки с европейским континентом, гарантируя при этом стабильную и эффективную логистику для экспорта энергоносителей из Персидского залива потребителям в Европе.

Интеграция Египта в данный формат демонстрирует эволюцию проекта от сугубо оборонного союза к многогранной структуре, объединяющей задачи коллективной безопасности с масштабными геоэкономическими амбициями. Каир выступает в роли значимого участника благодаря сочетанию выгодного расположения, военного потенциала и конструктивных отношений со всеми партнерами. Особое значение имеет нормализация связей с Турцией в 2024 году, позволившая преодолеть затяжной кризис, вызванный отстранением от власти (2013 г.) и смертью в тюрьме (2019 г.) президента Мухаммеда Мурси. Укрепление позиций Египта в процессе проектирования альянса обусловлено его стратегическим весом, что делает Каир незаменимым элементом формирующейся региональной архитектуры.

7. Приоритеты альянса и региональный баланс сил

В настоящее время переговорный процесс в рамках указанного четырехстороннего формата приобрел беспрецедентную динамику и перешел в фазу открытой дипломатической активности, что подтверждается серией встреч на уровне глав внешнеполитических ведомств в Исламабаде (29 марта и 14 апреля 2026 г.) и Анталье (17–18 марта 2026 г.). Несмотря на очевидную институционализацию взаимодействия,

стороны проявляют подчеркнутую сдержанность в официальных декларациях, стремясь дистанцироваться от интерпретаций данного объединения как военно-политического альянса, имеющего выраженную антипартийную направленность. Характерно в этом отношении заявление министра иностранных дел Турции Хакана Фидана, который по итогам анталийского раунда консультаций охарактеризовал текущий диалог исключительно как механизм «кризисных консультаций». По его утверждению, повестка встреч обусловлена необходимостью купирования региональных угроз в условиях текущей эскалации, в то время как предположения масс-медиа о формировании единого фронта, ориентированного на противодействие Израилю, не имеют под собой официальных оснований.

Представляется очевидным, что именно антиизраильский вектор проектируемого союза выступает центральным объектом дискуссий в экспертно-аналитическом сообществе, что и вызвало необходимость разъяснений данной позиции со стороны Хакана Фидана. Тем не менее системный анализ указывает на то, что «израильский фактор» не является единственной детерминантой и достаточным мотиватором для учреждения столь масштабной военно-политической архитектуры, претендующей на статус самостоятельного глобального полюса силы. Безусловно, императив сдерживания амбиций еврейского государства на Ближнем Востоке интегрирован в повестку альянса, однако он не является исключительным или доминирующим приоритетом. Стратегическая целесообразность конструируемого блока носит комплексный характер и предполагает консолидацию ресурсов для предотвращения тотального коллапса безопасности в пространстве от Африки и Европы до Южной Азии вследствие беспрецедентной эскалации вокруг Ирана. В условиях необратимой деградации прежней архитектуры безопасности и фактического нивелирования НАТО в его классическом формате, макрорегион столкнулся с нарушением баланса сил и реанимацией латентных конфликтных очагов. В данной конъюнктуре инициатива создания «Азиатского НАТО» выступает закономерной попыткой стабилизации региональной геополитической конфигурации, купирования критических угроз и установления контроля над ключевым торгово-транспортным и ресурсным потенциалом, дестабилизация которого неизбежно приведет к системному социально-экономическому кризису государств евразийского ареала.

Резюме

Инициатива наиболее крупных и влиятельных суннитских стран Западной Азии по созданию подобного коллективного полюса силы – серьезная заявка глобального уровня. Вопрос о том, насколько высоки шансы реализации этого проекта, остается открытым и требует отдельного глубокого анализа.